

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 1(091)

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЭЙДЕТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (статья 1)

В.В. Ильин*, С.Н. Вишневская*, Е.В. Поддубная*, А.В. Тимофеев**

*ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» (Калужский филиал), г. Калуга

**ФГБОУ ВПО «Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)», г. Самара

Статья продолжает обсуждение классической гносеологической темы апперцепирующих матриц мысли, к каким относятся кластеры базовых метафор, семантических формантов, эвристических шаблонов, системных ментальных сверток, легислативных постулатов, реализующих предметно-содержательное, модельно-модальное стяжение в духе обнажения мирового значения – его смысла и бессмыслицы.

Ключевые слова: *концептуальная систематика, голономия мыследеятельности, категориальная идентификация.*

На стадии уяснения перипетий визуальной репрезентации подчеркивается роль выстраивания умозрительной композиции перцептивного материала (в отличие от композиционно невыстроенного данного в эмпирическом созерцании «живого» первоисточника). На стадии эйдетической репрезентации уместно подчеркивать роль схватывания сущностного в постигающем умозрительном взгляде на вещи, имеющем техническое гносеологическое наименование – идеация [7, с. 34–35].

Идеация. Эйдетическое созерцание архитектурно-технически слагается из некоего семантического ядра и периферических оттенков, проводящих нюансировку смысло-значимостей.

Во избежание недоразумений подчеркнем: риторика «созерцания» в регистре «эйдетичность» не корреспондирует ни платоновской, ни гуссерлевской партиям. Один вводил прием «мысленное усмотрение сущностей», «созерцание эйдетических (умственных) форм». Другой пользовался приемом «феноменологическое узрение в созерцании». Для обоих высшим критерием адекватности прорабатываемой ментальной способности оказывалась «самоочевидность» (непосредственная достоверность).

В нашей редакции «мысленное усмотрение» в эйдетичности

– получает смысловое наполнение через ресурс «идентификация» смыслов;

– лишается признака «эвидентности».

Ядро визуальной репрезентации – образная (эстематичная – художественная) экспликация смысла. Ядро эйдетической репрезентации – понятийная (ноэстематичная – концептуально оформленная) экспликация смысла. Семан-

тическое ядро первого – композиционная формула; периферические оттенки – обслуживающий ее декор изображения. Семантическое ядро второго – экспозиционная формула; периферические оттенки – обслуживающий ее декор выражения. Уделим сказанному более пристальное внимание.

Сюжетика «мысленное усмотрение», по–нашему, есть совокупность консолидированных тем «превращение тайного в явное через привнесение порядка в когитальное», или в более рефлексивном покрывающем общем предметном суждении: степень осознанности мыслительного акта; техника неподвижного ментального движения.

Для пояснения оттолкнемся от одного разъясняющего примера.

Пушкинское толкование «России» тонет в образах–метафорах: тройка, путь, езда, степь. Образы намечают смысловую магистраль «дорога» – символ бескрайности, неосвоенности, простора, приволья, нескончаемой равнины, где заливаются бубенцы. Эмоциональное содержание данных символов – семантическое ядро – «беспредельность», усиливаемая «скукой», «тоской», «страхом», «кручиной» – периферическими оттенками (ср.: Гоголь: в русских народных песнях «мало привязанности к жизни и ее предметам, но много привязанности к какому–то безграничному разгулу, к стремлению как бы унести куда–то вместе с звуками»). Поскольку родное неохватъ в пушкинском миропонимании суть *gratia gratis data*, оформляется экспозиционная формула «раздолье» + «разгулье» + «печаль», – находящая идейную проработку в великой теме «Родина» [14, с. 22]. Из нее, как из кокона, выходят мотивы творчества Лермонтова:

*Но я люблю – за что, не знаю сам –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о нощлеге,
Дрожащие огни печальных деревень...*

И далее – Кольцова, Некрасова, Хомякова, Аксакова, А. Григорьева, Майкова, Тютчева, Блока, Есенина...

Резюмируем: «неживое» восприятие в эстеме зиждется на обнажении композиционной формулы, открывающей таинственную глубину постигаемой жизни, ее смысловую многозначительность. Выразительное изобразительное преднастраивается уяснением

– принципа строения: как говорил Мерло–Понти, я вижу не картину, я вижу с ее помощью;

– характера прототипа (первообраза): прекрасная иллюстрация – символическая до мозга костей мультимирная культура средневековья, легализующая распоряжение за видимым, чувственно данным (реалис) невидимого, умо–постигаемого (ирреалис) мира. Отсюда – многосмысленные, получающие концептуальную разработку фигуры «пространство сердца», «клеть внутри себя сущая» и т. д. [1, с. 22; 8, с. 231];

– насыщенности самовыражения: высказывает Белинский: поэт созерцает идею «не разумом, не рассудком, не чувством и не какою–либо одною способностью своей души, но всею полнотою и целостностью своего нравственного бытия, – и потому идея является в его произведении не отвлеченной мыслию, не мерт-

вою формой, а живым созданием, в котором живая красота формы свидетельствует о пребывании в ней божественной идеи и в котором... нет границы между идеею и формой, но та и другая являются целым и единым органическим созданием» [3, с. 311];

– не «натуральной», а «гуманитарной» «правды», – поразительное превращение «прозы» жизни, «позитивных фактов» быта в напряженность «лирического чувства», заполняющего и быт, и социальные нравы, и... [14, с. 49];

– типажеподобности выводимых фигур–олицетворений, снабжающих правдоподобием образ–предельные формы (ср. Гоголь о Гердере: везде он «видит одного человека как представителя человечества» [5, с. 88]);

– жанрообразующих начал, детерминирующих своеобразие образного строя изображения действительности в языке чувственности (укажем лишь на созданный Чеховым неподражаемый жанр «лирической драмы», построенный на всестороннем отрицании законов драматического искусства [14, с. 51]);

– принадлежащего человечеству «подлинно ценного» (Гете) – духоводъемного чудотворного гения, творящего по законам красоты.

Умозрительное восприятие в нозме – ввиду атрофии опор визуальности – многосоставнее, гносеологически сложнее; свободно возникающие представления здесь обслуживают идейное постижение, технически оказывающееся стяжением всеобщности, необходимости, сущности, новизны поставленных смыслов и получающее тематизацию в языке эйдетики.

Начнем *ab ovo*: «идея» в эстеме суть представление; исходно – от того, что «чувствуется». «Идея» в нозме суть понятие; исходно – от того, что «мыслится». В одном случае – визуальная, в другом – концептуальная ядерность. Неразличение, смешение видов последней влечет деформацию зональных релевантностей, – инкорпорация идеи–эстемы в идею–нозму предопределяет крен в сторону концептуализма, абстракционизма; инкорпорация идеи–нозмы в идею–эстему предопределяет неорганичное вмешательство предвзятости, а вместе с нею – крен в сторону «заявления позиции» от демонстрации «рожи сочинителя» (Достоевский) до инсталляции канона. (Скажем: последовательное развертывание художественного «лабиринта сцеплений» (Толстой) в классицизме стесняется презумпцией «довления разумного долга» (ср.: сумароковский «Хорев»), – ходульная идеологема смазывает момент постановочности; в классицистской традиции не могут быть выполнены ни «Евгений Онегин», ни «Анна Каренина»).

Волонтарное перекрытие аутентичных гносеологических топосов находит надежный заслон в выверенной локализации компетенций визуальной и эйдетической репрезентации, влекущей адекватный доктринальный отклик. Визуальная репрезентация складывается на эстетическом, эйдетическая репрезентация – на нозматическом типе реакций, фундируемых разными видами опосредствующих формул. Как утверждалось, в эстеме это – композиция, в нозме – экспозиция. В чем их сходство и различие?

Сходство реконструктивных приемов организации репрезентаций – в моменте «додумывания – схватывания». В визуальности радикализируется роль меток–индексов, вводящих реперы постигания предметной данности. В эйдетичности радикализируется роль гомологичных меток–индексов, вводящих те же реперы постигания того же.

Различие их – в особенности природы указанных реперов, обслуживающих разные способы запечатления предметности.

Не нагнетая тумана, – в случае эстемы акцентуируется созерцательность, в «неживом» своем проявлении организующаяся по композиционной формуле, обогащающей материальный (видимый) план перцептивного материала идеальным (невидимым – реконструктивно расчисляемым) планом. Изобличить в рефлексивном усмотрении скрытое под явным тайное измерение созерцаемого, при этом опознавая его в качестве архитектурного принципа чувственно осваиваемой предметности, и означает понять–уразуметь смысл, постичь значение воспринимаемого.

В случае нозмы в традиционной гносеологии под кальку проигрывался ход особого вида интеллектуального созерцания: некая гомофония в исполнении данной партии просматривается от платонизма через интуитивизм к феноменологизму. Между тем, «созерцать» идейное нутро трансценденталий (ноуменалий), не впадая в мистику (тот же платоновский анамнезис), невозможно.

Что в итоге? Некое двойственное ощущение. С одной стороны, очевиден мотив несозерцаемости (в стандартном толковании) содержания абстракций. С другой стороны, на этом же фоне очевиден устойчивый мотив развернуть мелодию «созерцаемости». В чем причина навязчивой идеи декларативной канонизации созерцания? Искомый ответ – один: причина – в стратегии конституирования познания, глубинный остов которого обеспечивается созерцательно.

В самом деле: предметность познания – от действительного чувственного созерцания; статусность познания – от понятийного созерцания – форм мышления, т.е. способа определения предмета для многообразного содержания возможного созерцания. При несоблюдении условия предметности – неправомерном искажении содержательного момента – познание вырождается в дискурсивное своеволие, лишаясь смысловой определенности; при несоблюдении условия статусности – неправомерном искажении формального момента – познание вырождается в демонстративное своеволие, лишаясь концептуальной определенности смыслопредставления.

Выглядит солидно, но неубедительно.

Во–первых, требует прояснения проблема подводимости эстемы под нозму: почему категории, простираясь дальше чувственного созерцания, поскольку мыслят объекты вообще, не обращая внимания на особый вид чувственности, каким она может быть задана [9, с. 309], – почему они принципиально сопряжимы с чувственностью, почему «природа» сообразуется с категориями? [9, с. 212] Востребуемого прояснения не предъясняется.

Во–вторых, хорошо известно: данный в чувственном созерцании предмет «не мыслится», не подводится под понятие о предмете, тем самым не входит в зону категориального синтеза, нацеленного на его духовное освоение, выработку истолкования. За подкреплением мысли обратимся к Жуковскому. Загораживающая эмпирическая ситуация:

*Я на берегу один... окрестность вся молчит...
Как привидение, в тумане предо мною
Семья молодых берез недвижимо стоит
Над усыпленной водою.*

Поведенческое освоение ситуации влечет сильнейшую эмоцию:

*Вхожу с волнением под их священный кров;
Мой слух в сей тишине приветный голос слышит;
Как бы эфирное там веет меж листов,
Как бы невидимое дышит;
Как бы сокрытая под юных древ корой,
С сей очарованной мешаясь тишиною,
Душа незримая подьмлет голос свой
С моей беседовать душою.*

Эмоция – лишена признаков осмысления, что чисто лексически передается безличным нерефлексивным глаголом «мнится»:

*И некто урне сей безмолвный приседит;
И, мнится, на меня вперил он темны очи;
Без образа лицо, и зрак туманный слит
С туманным мраком полуночи.
Смотрю... и, мнится, все, что было жертвой лет,
Опять в видении прекрасном воскресает;
И все, что жизнь сулит, и все, чего в ней нет,
С надеждой к сердцу прилетает.
Но где он?.. Скрылось все... лишь только в тишине
Как бы знакомое мне слышится призывье.
Как будто Гений путь указывает мне
На неизвестное свиданье.*

Далее – безответное вопрошание:

*О! Кто ты, тайный вождь? душа тебе вослед!
Скажи: бессмертный ли пределов сих хранитель
Иль гость минутный их? Скажи: земной ли свет
Иль небеса твоя обитель?..*

С погружением в видение:

*И ангел от земли в сиянье предо мной
Взлетает; на лице величие смиренья;
Взор к небу устремлен; над юною главой
Горит звезда преображенья.
Помедли улетать, прекрасный сын небес;
Младая Жизнь в слезах простерта пред тобою...
Но где я?.. Все вокруг молчит... призрак исчез,
И небеса покрыты мглою.*

И обретением вдохновительно–мечтательного упоения–упования:

*Одна лишь смутная мечта в душе моей:
Как будто мир земной в ничто преобразился;
Как будто та страна знакомей стала ей,
Куда сей чистый ангел скрылся.*

Как видно, в поэтической вариации эстемы наличествует локус с атрофией реперов постигания предметной данности, – не удастся ввести реконструктивно удостоверяемых меток–индексов, обслуживающих додумывание–схватывание перцептивного материала.

Подобное же – в изобразительной вариации эстемы. Сошлемся на модернистское направление: сюрреализм, ташизм, дадаизм, абстракционизм, аб-

сурд, алеаторика, супрематизм, неопластицизм, понижая интенсивность сознания, сосредоточиваются на таких источниках продуктивности, как делирии, грезы, видения; на таких методах самовыражения, как абстрактный экспрессионизм, выстраивание бессмысленных, случайных последовательностей символических сочетаний (трактуемых в качестве формообразующих принципов творчества).

Данные и схожие с ними эстетические вариации лишены признаков развертывания глубинных композиционных формул.

В качестве рефлексивного резюме – убеждение в возможности атрофии в эстеме репрезентативных организационных принципов, осложняющих «додумывание–схватывание» в восприятии, но не денонсирующих его. В том же неопластицизме *per impossible* в качестве латентного репера трактовки перцептивности вводится «геометризм»; в супрематизме с той же целью апеллируют к «архитектурам» – налагаемым на плоскость объемным формам.

Нередко отказ от выработки принципа внутренней цельности – особый художественный прием; прием перемены интонации, позволяющий создать атмосферу исключительной душевной наполненности. Взять есенинское

*...Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.*

Конфигурация строфы с повтором первой в качестве завершающей строки производит впечатление волнообразного движения: «Строка становится похожа на морскую волну. Она набегает, бьет в берег, отходит, и вот на смену ей стремится уже другая, такая же, как бы не отличимая от первой, но уже наполненная другим смыслом... Какой должна быть первая строка... – задумчивая? веселая? грустная? тихая? Поэт не дает ответа. Здесь нет единственного и категорического решения. Есенин как бы оставляет читателю возможность досочинить (! – авт.), дофантазировать (! – авт.). Он как бы приглашает... к сотворчеству, дает простор читательской воле и интуиции... разрешая... придать строке... тональность, созвучную его душевному состоянию...» [10, с. 22].

Невзирая на нюансы, композиционная формула в эстеме, не позволяя восприятию кипеть в «действии пустом», поставляет принцип освоения предметности. Если его не находится (или нарочито не вводится), духовный процесс в воспринимающем субъекте либо пробуксовывает, лишается поступательного движения, либо релятивизируется – со знаком плюс (плодотворное сотворчество) или со знаком минус (неплодотворное перформатирующее сочинительство – субъективный произвол деконструкции).

Ситуация восприятия, несомненно, есть ситуация творческая, но если творчество толковать мыслью Гегеля как заявление «бесконечности» мышления, то позволительно высказать: в границах визуальной репрезентации проявление «бесконечности» мыслительного процесса, как минимум, не поощряется. Дело здесь в наличии более или менее твердых рамок предметности, имплицитных пресловутой «созерцательностью».

С позиций неких принципиальных философских квалификаций «восприятие» снабжается признаком «непосредственности» отображения реальности, предполагающем чувственно просматриваемую генеалогию, «созерцае-

мую» сцепку с предметностью. Боязнь подорвать данную сцепку ввергало в величайший испуг классиков традиционной гносеологии, семантизируемый как страх перед утратой предметных оснований знания. Несозерцаемое – беспредметное, содержательно факультативное, трансцендентное. Дабы обезопасить познание от последнего, в рефлексивную доктрину познания вводился презумптивный мотив замыкания на созерцаемое. В платонизме, интуитивизме, феноменологизме, подчеркивалось ранее, постулировалось специфическое (рационально не эксплицируемое) созерцание эйдосов. В кантианстве отработывалась модель проекции абстракций (категорий) на визуально регистрируемую предметность с активным привлечением ресурса эмпирически удостоверяющих схем, – вне этого инструментария, т.е. а priori, категории не могли бы «определять связь многообразного в природе» [9, с. 212].

Между тем, по ранее же подчеркиваемому, содержание идеалей – не созерцаемо.

Возникает, пожалуй, тупик, связанный с необходимостью и невозможностью доктринации внедренного в доктрину познания «созерцания». Поскольку выход из тупика представляет всегда попятное, ретардирующее движение, следует, размотав клубок рассуждений, отделить зерна от плевел.

В порядке положительного разрешения коллизии, по–нашему, правильно принять в расчет два обстоятельства.

1. Любая (перцептуально ли, эйдетично ли данная) «сущность» сама по себе, как таковая, – не созерцаема, – в силу неметричности, всепроникаемости, всеохватываемости явления сущность не локализуется ни в материально, ни в идеально данных планах.

2. Способы представления сущности в поле визуальной и эйдетической репрезентации гносеологически не равнообразны. В эстеме акцентуируется композиционная (реконструирующая), в ноэме – экспозиционная (рекомбинирующая) формула. Смысл композиции – уяснение принципа построения; смысл экспозиции – уяснение принципа системы. Данные принципы находят оправдание в разных мыслительных способностях: в эстеме сущность постигается усвоением правила конструкции; в ноэме она постигается усвоением правила конституции. Скажем: стратегия адекватного представления сущности человека в эстематичной репрезентации – соответствующее законам гармонии телесное изображение. С позиций ноэматичной стратегии адекватного представления сущности человека последнее, однако, не более, чем *inutile terrae pondus*, – обремененный человек в ноэме – «метафизически невнятен» (Флоренский). Значимое в композиционном измерении выглядит обширной и бессодержательной банальностью в конституционном измерении.

Обопрямся на (1–2) аналитически более тщательно.

Визуальная репрезентация – не чисто интеллектуальная операция; гносеологически это – созерцательный акт, поддерживаемый (по композиционной формуле) моментом предметно–сущностной идентификации с перспективным подведением образов под типы, дифференциацией акциденталий–эссенциалий (ядро – периферические оттенки), потенциальной категоризацией. С мгновения избличения композиционной формулы, предметно–сущностной идентификации изображения приходят в действие когитальные структурные законы – гештальтные зависимости – принципы подразделения,

группировки (достаточно абстрактные соображения простоты, красоты, гармонии).

Эйдетическая репрезентация – сугубо интеллектуальная операция; гносеологически это – изощренно дискурсивный акт, поддерживаемый (по экспозиционной формуле) моментом содержательно– смысловой идентификации с перспективным выводением знания не из образов, а из понятий, с уяснением не конструкции, а конституции, привлечением не рецепции, а продукции. Рычаг эйдетической репрезентации – рычаг идеи, поставляющей способ синтезирования представлений в систему, целое.

Гносеологически адекватным терминологическим обозначением распознавания сущности в экспозиции (утрирующей принцип системы) выступает фигура «идеация», выражающая не «созерцание–усмотрение» (платоновско–гуссерлевская платформа «переживания» сущности), а внесозерцательное смысловое ее (сущности) постижение.

Список литературы

1. Алпатов М.В. Сокровищница русского искусства XI–XVI вв. Л.: Аврора, 1971. 287 с.
2. Анненский И.Ф. Книга отражений. М.: Наука, 1979. 691 с.
3. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 7. 735 с.
4. Гегель Г.В. Ф. Сочинения: в 14 т. М.: Соцэкгиз, 1937. Т. V. 814 с.
5. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 8. 816 с.
6. Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 8. 576 с.
7. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
8. Жуковский В.И., Пивоваров Д.В. Зримая сущность. Свердловск: УрГУ, 1991. 284 с.
9. Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
10. Козловский А. «Эту жизнь за все благодарю» (предисловие) // Есенин С. Полн. собр. соч. М.: Эксмо, 2006. С. 5–22.
11. Курош А.Г. Лекции по общей алгебре. М.: Наука, 1973. 400 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 1. 696 с.
13. Математический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1988. 847 с.
14. Мочульский К.В. Кризис воображения. Томск: Водолей, 1999. 416 с.
15. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: И.И. Кушнарева и Ко, 1900–1901. 552 с.

THE EPISTEMOLOGICAL NATURE OF EIDETIC REPRESENTATION (PART 1)

V.V. Iyvin*, S.N. Vishnevskaya*, E.V. Poddubnaya*, A.V. Timofeev**

*MGTU named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga
**Samara State air-cosmic university named after S. P. Korolev

This article continues the discussion on the classic epistemological topics of thought matrices that include clusters of basic metaphors, semantic formants, heuristic patterns, system mental abbreviations, legislative postulates implementing the objective content, model-modal creation in the spirit of the global significance revealing – its meaning and meaninglessness.

Keywords: *conceptual taxonomy, holonomy of mental activity, a categorical identification.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Истории и философии ФГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», (Калужский филиал), Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

ВИШНЕВСКАЯ Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры Истории и философии ФГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», (Калужский филиал), Калуга. E-mail: ce3@bmstu-kaluga.ru

ПОДДУБНАЯ Екатерина Викторовна – ст. преподаватель кафедры Истории и философии ФГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», (Калужский филиал), Калуга. E-mail: poddubnaya@mail.ru

ТИМОФЕЕВ Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ПМ и ВТ СГАУ ФГБОУ ВПО «Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)», Самара. E-mail: timofeev av@list.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – Ph.D., Prof., Head of the Department of History and philosophy of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

VISHNEVSKAYA Svetlana Nikolaevna – Ph.D., Assoc. professor of History and philosophy department of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: ce3@bmstu-kaluga.ru

PODDUBNAYA Ekaterina Victorovna – Senior lecturer of the Department of History and philosophy of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: poddubnaya@mail.ru

TIMOFEEV Alexander Vadimovich – Ph.D. (Pedagogy), Assoc. Prof. of the Dept. of Applied mathematics and information technology, Samara State air-cosmic university named after S. P. Korolev. E-mail: timofeev av@list.ru